

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОУДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Л.Л. Карпова (Ижевск)

В удмуртской диалектологической науке, несмотря на достигнутые бесспорные успехи, имеется еще немало нерешенных задач. Так, совершенно неравномерно изучены диалекты, входящие в состав северноудмуртского наречия. Тем не менее следует отметить, что в последние десятилетия именно северноудмуртский языковой ареал оказался объектом наиболее интенсивного изучения в удмуртской диалектологии.

Северные диалекты удмуртского языка, подобно другим территориально-структурным вариантам национального языка, являлись объектом внимания ученых в различные периоды, и их изучение, бесспорно, осуществлялось в общем контексте исследования удмуртских диалектов, насчитывающего более чем двухвековую историю и получившего уже достаточное освещение в работах ученых, в частности, И.В. Тараканова (1981: 114–133; 1987: 7–19), В.К. Кельмакова (1991; 1992: 25–33; 1998: 37–41). Следует указать, что в XIX в. исследователями удмуртской диалектной речи современные северные диалекты чаще всего обозначались терминами «глазовский диалект», «глазовское наречие», «северное наречие». Рассмотрим краткий обзор истории исследования северноудмуртских диалектов в русле общеисторических процессов, которые происходили в удмуртском языке, и наметим перспективы дальнейшей работы в исследовании.

Как правило, начало изучения удмуртских диалектов связывают с историей возникновения и становления письменности удмуртского народа, поскольку первые записи образцов удмуртской речи в виде отдельных слов и предложений были зафиксированы путешественниками-естествоиспытателями XVIII в., занимавшимися изучением географии, природных богатств Российской Империи, а также этнографии, истории народов, населяющих Поволжье и Сибирь. К XVIII в. восходят первые сведения о диалектах в удмуртском языке. Так, в книге Г. Миллера «Описание живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ» (1791) уже содержится указание на наличие диалектов «верхних» и «нижних» удмуртов, т. е. северных и южных. В различного рода словниках, глоссариях, дневниковых и путевых заметках, составленных и частично опубликованных в XVIII – начале XIX в., нашли определенное отражение фонетические,

морфологические и лексические особенности многих удмуртских говоров, в частности, северных диалектов.

Нельзя не отметить тот факт, что северноудмуртским говорам в определенной степени повезло, поскольку из трех наиболее значимых письменных памятников конца XVIII в. «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» (Сочинения 1775), «Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» (Кротов 1785), «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» (Могиллин 1786) – две последние были составлены на материале языка северных удмуртов, и в них нашли отражение многие языковые своеобразия, характерные в целом для современного ярского говора среднечепецкого диалекта.

В XIX в. в большом количестве появляется печатная литература на удмуртском языке, главным образом, переводная. Эти издания были в основном религиозного содержания и выходили на разных наречиях удмуртского языка. К примеру, многие фонетические, морфологические и лексические особенности говоров северного наречия находят отражение в материалах двух переводных Евангелий (Евангелия Гл. 1847) и Азбуки (Азбука Гл. 1847), написанных на глазовском наречии.

Хотя в XVIII – начале XIX в. появилось немало работ, содержащих определенные сведения по удмуртским диалектам, говорить о возникновении научной удмуртской диалектологии в тот период было бы не совсем верно, поскольку в работах ученых, помимо фиксации материала, ни описания, ни анализа языковых примеров не содержалось.

Начало научного изучения удмуртских диалектов восходит к середине XIX в., и связано оно с именем известного финно-угроведа Ф.И. Видемана, опубликовавшего первое теоретическое исследование-статью «К диалектологии удмуртского языка» (Wiedemann 1858). С выхода этой статьи начался первый период в истории удмуртской диалектологии, характеризующийся введением в научный оборот огромного фольклорно-диалектологического материала в большей степени усилиями зарубежных исследователей и в меньшей – отечественными. Ф.И. Видеман выделил и частично описал в своей работе «казанский», «глазовский», «елабужский», «малмыжский», «сарапульский» и «оренбургский» диалекты. Вычлененные им диалекты явились основой для дальнейшего изучения и уточнения диалектного дробления удмуртского языка, также для описания отдельных его территориально-структурных единиц последующими учеными. При характеристике диалектов Ф.И. Видеман по каждому из них приводит небольшой лексический материал. В частности, в списке слов, свойственных «глазовскому диалекту», отмечены слова: *долак* (с. 543) 'весь, полностью', *aky* (с. 543) 'сестра', *ici* (с. 544) 'мало, немного', *betsche* (с. 544) 'приятель' и др. Помимо этого, к характерным особенностям «глазовского диалекта» ученый отнес наличие в его лексике большого количества слов, заимствованных из русского языка: *горбунъ* (с. 543) 'горбатый', *колъ* (с. 543) 'кол', *востница* (с. 543) 'оспа', *копыта* (с. 543) 'копыто'; и др.

Определенный северноудмуртский языковой материал представлен также в работах этнографов и фольклористов того периода, к примеру, в книгах Б.Г. Гаврилова и Н. Первухина. Работа Б.Г. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (Гаврилов 1880) является первой книгой, открывающей собой серию публикаций транскрибированных текстов на различных удмуртских диалектах. Из всего собранного материала в Глазовском уезде, т. е. на территории распространения северноудмуртских говоров, исследователь включил в издание всего 20 загадок и одну молитву-куриськон (как в оригинале, так и в переводе на русский язык), также русский перевод четырех преданий и легенд. В передаче удмуртских текстов Б.Г. Гавриловым, по замечанию В.К. Кельмакова, «применена выработанная, по-видимому, православным миссионерским обществом для издания книг на удмуртском языке фонетическая запись, которая давала возможность сохранять в некоторой степени фонетические особенности диалекта» (Кельмаков 1981: 14). Например, специфический звук *ъ* (вариант фонемы *ы*), зафиксированный впервые в письменных источниках по северноудмуртскому наречию и встречающийся в юкаменском и отчасти глазовском говорах среднечепецкого диалекта, автором обозначен буквой *ѣ*, мягкий *н* (орф. *нь*) отмечен буквой *н*. Для передачи звука *к* (орф. *к*), обозначаемого предыдущими исследователями удмуртского языка то буквой *е*, то буквой *ы*, Б.Г. Гаврилов уже применяет букву *к*.

В конце 80-х гг. прошлого столетия в г. Вятка вышло многосерийное издание Н. Первухина под названием «Эскизы преданий и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» (1888). Третий эскиз этой серии полностью посвящен устно-поэтическому творчеству северных удмуртов. В книгу вошли 27 языческих молитв-куриськонов, 25 песен, 165 загадок и 35 пословиц с параллельным переводом на русский язык. Они записаны примерно в 26 населенных пунктах Глазовского уезда, из которых 14 расположены на территории распространения среднечепецкого диалекта. Во всех жанрах фольклора, вошедших в данный сборник, кроме куриськонов, указывается место записи, а в некоторых, в частности загадках, даже фамилия информанта. К нашему сожалению, орфография данной книги, как и вышеназванных работ (Кротов 1785; Могилин 1786; Азбука Гл. 1847; Блинов 1867), крайне непоследовательна. Например, не выдерживаются очередность и однозначная передача фонем *к*, *и*, *ч*, палатальность/велярность согласных, никак не отмечается наличие нескольких вариантов фонемы *ы* и т. д.

Большой вклад в дело изучения удмуртских диалектов, в том числе и северных, внесли зарубежные исследователи Б. Мункачи и Ю. Вихман. Б. Мункачи, посетивший удмуртов в 1885 г. и собиравший материалы в годы Первой мировой войны у себя на родине у военнопленных удмуртов, представителей различных диалектов, записал уникальный фольклорно-диалектологический материал. Впоследствии они были опубликованы в виде отдельных сборников (Munkácsi 1887; 1952) и диалектологического словаря удмуртского языка (Munkácsi 1886). Заметим, что в числе 25 воен-

нопленных, от которых исследователь записывал лингвистический материал, было также пять северных удмуртов. Что касается диалектного членения удмуртского языка, то Б. Мункачи, в отличие от своих предшественников Ф.Й. Видемана и Т.Г. Аминофа, в своих трудах оперирует уже десятью удмуртскими диалектами: глазовским, сарапульским, малмыжским, елабужским, казанским, уфимским, слободским, самарским, бирско-уфимским, пермским, два из которых – глазовский и слободской – представляют собой северноудмуртские диалекты.

Довольно богатый фольклорно-диалектологический материал по языку северных удмуртов представлен в двух книгах «Wotjakische Sprachproben» и «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar» финского исследователя Ю. Вихмана (Wichmann 1893: 89–115, 131–166, 193; 1901: 8–9, 43–51, 119–161; 1901a: 1–14, 43–134). В период экспедиций к удмуртам (1891, 1894 гг.) он изучал диалекты различных местностей, собрал значительный фольклорный и лингвистический материалы. В удмуртском языковом ареале Ю. Вихман выделил шесть диалектов: глазовский, малмыжский, елабужский, малмыжско-уржумский, уфимский, бесермянский. Тексты по «глазовскому диалекту» исследователь записал в семи населенных пунктах Глазовского уезда, из которых шесть (деревни Бабино, Верхние Парзи, Кельегурт (?), Бараны, Солдырь, Котнырево) расположены на территории современного распространения среднечепецкого диалекта и один (с. Кругловское) находится в ареале распространения нижнечепецких говоров. Большую научную ценность представляет последняя по времени выхода работа Ю. Вихмана «Wotjakischer Wortschatz» (Wichmann 1987). Это исследование, после работы Б. Мункачи (Munkácsi 1896), является вторым наиболее объемным словарем по лексике удмуртских диалектов. Данный словарь дает возможность довольно полно представить лексический состав удмуртских диалектов, в том числе и северноудмуртских.

В послеоктябрьский период удмуртские диалекты стали объектом исследования в связи с необходимостью создания основ литературного языка. С целью определения диалектной базы удмуртского литературного языка были предприняты меры по сбору языкового материала отдельных диалектов. В частности, в 1919 г. В.Д. Крылов издает региональный диалектологический словарь «Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков», который охватывает в основном лексику северного наречия и содержит около 3 тыс. словарных статей. В 1924 г. И.В. Яковлевым был опубликован небольшой по объему словарь «Удмуртьёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктись книга» (1924), представляющий собой первый отечественный опыт составления сравнительного словаря удмуртских диалектов с переводом на русский язык. С пометой «глазовский диалект» в удмуртско-русской части словаря, насчитывающей 824 словарные статьи, содержится 317 слов, а в русско-удмуртской части, представленной 895 словарными статьями – 319 северноудмуртских лексем.

Определенный интерес с точки зрения фиксации лексики удмуртских диалектов представляет работа Т.К. Борисова «Удмурт кыллюкам» (1932). В удмуртском языке автор выделяет четыре наречия: северное, южное, среднее, крайне-южное – которые в свою очередь распадаются еще на ряд говоров и подговоров. К примеру, северное наречие Т.К. Борисов разделяет на верхнечепецкий («валланьёс») и нижнечепецкий («улланьёс») говоры. С пометой «северное наречие» в словарь включено около 760 лексем.

В 1935 г. издается первая диалектологическая карта удмуртского языка, составленная С.П. Жуйковым. На карте преимущественно показаны ареалы распространения отдельных фонетических явлений удмуртских диалектов. Все удмуртские говоры автор объединяет в три диалекта: северный, средний, южный. В пределах северного диалекта этим исследователем выделены шесть говоров. Несмотря на наличие недостатков в картографировании ряда севернoudмуртских языковых явлений, эта работа представляет большую ценность как первый опыт изучения удмуртских диалектов с применением метода лингвистической географии.

В 20–30-е гг. прошлого столетия с целью выяснения расхождения диалектов с создаваемым литературным языком были организованы экспедиции в различные регионы проживания удмуртов. Так, в 1929 г. под руководством известного финно-угроведа Д.В. Бубриха состоялась лингвистическая экспедиция (ЛЭ 1929). Она положила начало II этапу истории удмуртской диалектологии (1929–1954), самой характерной чертой которого является коллективность исследования локальных вариантов удмуртского языка посредством организации больших и малых экспедиций (Кельмаков 1992: 27–29; 1998: 38). Экспедицией 1929 г. были охвачены практически все группы удмуртских диалектов, но объектом наибольшего внимания оказались севернoudмуртские говоры окрестностей с. Зуры, по современной классификации представляющие собой верхнечепецкие говоры. Фольклорно-диалектологические тексты записаны также в семи населенных пунктах среднечепецкого ареала. К большому сожалению, до сих пор материалы этой экспедиции не обработаны. Некоторые сведения по языку северных удмуртов содержатся в записях второго отряда фольклорно-диалектологической экспедиции 1936 г. (ФДЭ 1936), исследовавшей говоры удмуртов Базинского, Юкаменского, Кезского районов Удмуртской Республики и Слободского р-на Кировской области. Эти материалы хранятся в научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (Д. 344, 345).

Весьма значительный материал по языку северных удмуртов представлен в записях фольклорно-лингвистической экспедиции 1954 г. (ФЛЭ 1954), проведенной В.М. Вахрушевым и Н.П. Кралиной в северных районах республики. Эти записи также хранятся в Научно-отраслевом архиве Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН (Д. 445), но, к сожалению, как и материалы предыдущих экспедиций, не обработаны. По материалам фольклорно-лингвистической экспедиции 1954 г. (ФЛЭ 1954) и на основании изучения

записей диалектологических и фольклорно-лингвистических экспедиций 1936, 1945 гг. В. М. Вахрушевым была опубликована статья «Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка» (Вахрушев 1959: 228–241). Под условно названным «северным диалектом» автор, по существу, описывает фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности ярского и глазовского говоров среднечепецкого диалекта.

С середины 50-х гг. XX в. в истории удмуртской диалектологии начинается новый, третий период (с 1955 г. по настоящее время), ведущим направлением которого стало теоретическое описание говоров. Начало этому этапу положило написание Т.И. Тепляшиной первого монографического исследования – защита кандидатской диссертации «Тыловайский диалект удмуртского языка» (Тепляшина 1955). Эта работа стала одной из первых монографий, где была представлена методика описания диалекта как цельной языковой системы. Примечательным является и то, что объектом исследования ученого явились именно севернoudмуртские говоры бассейна р. Иты, т. е. верхнечепецкие говоры. Этот научный труд в определенной степени послужил толчком для других исследователей в дальнейшем в деле изучения удмуртских диалектов. Позднее тыловайскому диалекту была посвящена и другая статья ученого «Фонетическая характеристика тыловайского говора» (Тепляшина 1957), где автор на фоне системы фонетики удмуртского языка осветила характерные черты тыловайского диалекта.

Следует отметить значительную роль Т.И. Тепляшиной в деле изучения севернoudмуртских говоров. Помимо родного «тыловайского говора», ею описаны говоры нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов. В частности, в статье «Некоторые особенности глазовского диалекта» (Лыткин, Тепляшина 1959: 218–227), написанной совместно с В.И. Лыткиным по материалам лингвистической экспедиции 1954 г., дается характеристика некоторых особенностей условно названного авторами «глазовского диалекта», который, согласно современной терминологии диалектного членения удмуртского языка, соответствует среднечепецкому диалекту. В работе находят отражение не только фонетические особенности диалекта, но также отдельные морфологические и лексические особенности.

В другой статье исследователя «Нижнечепецкие говоры севернoudмуртского наречия» (Тепляшина 1970: 156–196) объектом детального изучения явились говоры удмуртов, проживающих в Слободском и Зуевском районах Кировской области. В данном исследовании автор выявляет отличительные языковые особенности рассматриваемых говоров и приходит к выводу, что по своим наиболее характерным чертам они входят в состав севернoudмуртского наречия. Кстати, эта статья на сегодняшний день является пока что единственным исследованием, где более или менее подробно освещены фонетические, морфологические и частично лексические своеобразия языка нижнечепецких удмуртов.

Нижнечепецкие говоры не раз являлись объектом внимания и Г.А. Архипова. Одна из его статей посвящена исследованию лексики слободских

удмуртов (Архипов 1987: 84–92). В другой работе автор акцентирует свое внимание на особенностях выражения форм субъективной оценки личных имен в слободском говоре (Архипов 1989: 162–168).

Одна из характерных черт III периода истории удмуртской диалектологии – издание сборников статей и материалов, посвященных вопросам удмуртской диалектологии. В этих работах также нашли определенное отражение северноудмуртские говоры. В частности, в коллективном сборнике «Образцы речи удмуртского языка» (1982) по северным диалектам представлены статьи двух авторов А.А. Алашеевой (1982: 91–106) и Б.И. Каракулова (1982: 106–115), раскрывающие языковые своеобразия отдельных верхнечепецких говоров.

В 80-е гг. XX в. возобновляется научная публикация диалектных текстов. В этот период издан ряд сборников, содержащих образцы диалектной речи удмуртского языка: «Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи» (1981), «Образцы речи удмуртского языка» (1982), «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры» (Кельмаков 1981), «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» (Кельмаков 1990). По северным диалектам огромный интерес представляет сборник В.К. Кельмакова «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры» (1981). Диалектные тексты предваряются эскизным введением, в котором дается краткое описание фонетических, морфологических и лексических особенностей северного наречия и срединных говоров. Из северных диалектов в книгу вошли материалы по говорам среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов (всего 107 текстов образцов речи).

Серьезными публикациями удмуртской диалектологии последнего десятилетия XX в., несомненно, являются диалектологическая хрестоматия В.К. Кельмакова и С. Сааринен «Udmurtin murteet» (Kel'makov, Saarinen 1994), изданная в Финляндии, и монография В.К. Кельмакова «Краткий курс удмуртской диалектологии» (1998). Эти книги представляют собой теоретическое описание фонетической системы и морфологического строя удмуртских диалектов с приложением большого корпуса текстов почти на всех структурно-территориальных вариантах удмуртского языка. В данных исследованиях подробное освещение в отношении фонетики и морфологии получили и интересующие нас северноудмуртские говоры. Кроме этого, в довольно большом количестве здесь представлены образцы диалектной речи удмуртов чепецкого бассейна.

Большим вкладом в лингвогеографическое изучение удмуртской диалектной лексики, в том числе и северноудмуртской, стало издание I выпуска «Диалектологического атласа удмуртского языка» (Насибуллин, Максимов, Семенов, Отставнова 2009), отражающего состояние удмуртских диалектов на рубеже XX–XXI вв. Данный атлас, помимо карт, содержит подробные комментарии к ним, в которых представлены исторические, этнографические и этимологические наблюдения и выводы.

Если обратиться к современному состоянию изученности северноудмуртских диалектов, то, как было отмечено выше, на данный момент они

обследованы совершенно неравномерно. Согласно современной классификации удмуртских диалектов (Кельмаков 1998: 42), установившейся в удмуртской диалектологии в 90-е г. XX в., в пределах севернoudмуртского наречия исследователи выделяют три группы говоров (или три диалекта: верхнечепецкие, среднечепецкие и нижнечепецкие). По нижнечепецким говорам, помимо вышеупомянутых статей Т.И. Тепляшиной и Г.А. Архипова, за последние десятилетия не опубликовано ни одной работы. Что касается верхнечепецкого диалекта, то по нему имеются лишь отдельные статьи, освещающие в основном частные особенности отдельно взятого конкретного говора (Алашеева 1982: 91–105; 1990: 8–10; 1992: 16–19; 1999: 63–66; Каракулов 1982: 106–115). В значительной доле публикаций А.А. Алашеевой описание особенностей верхнечепецких говоров проводится преимущественно на материале, зафиксированном в основном в населенных пунктах южной части Кезского и северной части Дебесского районов. С 2006 г. в рамках ареального исследования севернoudмуртских диалектов верхнечепецкие говоры стали объектом нашего изучения. С целью более полного и системного обследования языка удмуртов кезского ареала нами проведены четыре экспедиции (ДЭ 2006; ДЭ 2008; ДЭ 2009а; ДЭ 2009б), охватившие практически всю территорию Кезского р-на. По материалам этих экспедиций впоследствии была подготовлена статья (Карпова 2009: 215–218), в которой освещены специфические фонетические явления гыинского говора в контексте севернoudмуртского диалектного ландшафта.

В последнее время из севернoudмуртских диалектов объектом наиболее интенсивного изучения оказался среднечепецкий диалект. Примерно с 90-х гг. прошлого столетия нами ведется планомерное изучение указанного диалекта и по его разным языковым аспектам опубликовано уже свыше трех десятков статей. Впоследствии наблюдения над данным диалектом были обобщены в монографии «Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка» (Карпова 1997), которая «является первым в истории удмуртской диалектологии печатным монографическим исследованием одной из структурно-территориальных единиц удмуртского языка» (Кельмаков 1999: 53).

Записанные за 15-летний период экспедиций к среднечепецким удмуртам образцы устно-поэтической и разговорно-бытовой речи нашли воплощение во второй нашей книге «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» (Карпова 2005). Материалы книги дают целостное представление о характере функционирования одного из локальных вариантов удмуртского языка конца XX в. и являются новым источником для изучения диалектов и особенностей удмуртской устно-разговорной речи.

В настоящее время нами ведется активная работа по сбору материала и составлению словаря по среднечепецкому диалекту.

Таким образом, в исследовании севернoudмуртских диалектов имеются определенные достижения и успехи. Вместе с тем имеются лакуны, требующие их незамедлительного заполнения:

1. Прежде всего, необходимо активизировать работу по сбору и публикации диалектного материала по нижнечепецкими и верхнечепецким говорам. После опубликования Т.И. Тепляшиной статьи по нижнечепецким говорам прошло уже более четверти века. Естественно, в силу ряда объективных причин за этот период язык нижнечепецких удмуртов претерпел значительные изменения, поэтому необходимы новые языковые данные в дополнение к приведенным в публикации Т.И. Тепляшиной материалам. Требуется продолжения фиксации диалектного материала по удмуртским говорам Игринского и Дебесского районов верхнечепецкого ареала, поскольку в современной научной литературе практически отсутствуют публикации текстов образцов речи по этим говорам, за исключением материалов, вошедших в книги В.К. Кельмакова (1981: 95–154; 1998: 192–193).

2. Необходимо детальное изучение и описание нижнечепецкого диалекта, также игринского и дебесского говоров с целью установления их статуса в севернудмуртском языковом пространстве. Известно, что диалекты, занимающие относительно большую территорию распространения, не являются однородными, в них имеют место локальные варианты, специфические особенности которых необходимо учитывать при уточнении границ распространения основных говоров и диалектов северного наречия. В этом отношении особый интерес представляют монографически еще не описанные игринские и отчасти дебесские говоры.

3. Продолжить работу по изданию монографических исследований по говорам и диалектам севернудмуртского наречия.

4. Следует активизировать работу по изданию диалектных текстов по отдельным диалектам северного наречия, поскольку подобная практика публикации текстов образцов речи имеется уже по среднечепецкому диалекту. Кроме того, современная техническая база позволяет создать и издать мультимедийный проект со звуком.

5. Необходимо продолжить и более интенсивно проводить работу по сбору и исследованию словарного состава севернудмуртских диалектов и приступить к изданию словарей по отдельным диалектам с целью подготовки региональных и сводного сравнительного словарей удмуртских говоров;

6. Следует начать работу по ареальному исследованию севернудмуртских говоров. Нами подготовлен пробный вариант программы-вопросника, направленной на лингвогеографическое исследование диалектов севернудмуртского языкового пространства. Но, как показывает практика, вопросник требует еще определенной доработки. Данные, полученные в результате картографирования языкового материала, могут помочь выявлению отдельных изоглосс в области фонетики, морфологии, отчасти лексики, а также позволят уточнить модель диалектного членения удмуртского языка и в перспективе стать базой создания атласа удмуртских диалектов. При этом изучение севернудмуртских диалектов необходимо проводить в русле общеудмуртского диалектного пространства.

7. Неотложным является также изучение синтаксиса северных диалектов, поскольку этот диалектный синтаксис до сих пор практически остается неисследованной областью удмуртской диалектологии. По данной проблематике на настоящий момент имеются лишь три наши опубликованные статьи, освещающие некоторые аспекты синтаксиса среднечепецких говоров (Карпова 2002: 46–51; 2003: 243–247; 2008: 95–98).

Таковы, на наш взгляд, основные перспективы в исследовании северноудмуртских диалектов в ближайшем будущем. Поставленные выше вопросы касаются также и всей удмуртской диалектологии в целом.

Для решения перечисленных выше задач необходима, прежде всего, подготовка новых кадров. На данный момент реально изучением северных диалектов занимается всего один специалист. К этой работе необходимо привлечь студентов факультета удмуртской филологии УдГУ, которые уже и сейчас оказывают посильную помощь при сборе диалектного материала по северноудмуртским диалектам. Для атласного картографирования диалектологических материалов нужен также специалист-картограф. Перспективны, на наш взгляд, комплексные ареальные исследования, в которых помимо лингвистов-диалектологов могли бы участвовать фольклористы и этномузыковеды.

Литература и источники

Азбука Гл. 1847 – Азбука составленная из Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчій. (По Глазовскому). Казань, 1847. [Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 3). С. 387–558].

Алашеева А.А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91–105.

Алашеева А.А. Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Языкознание. М., 1990. Т. 2. С. 8–10.

Алашеева А.А. Пространственные падежи северноудмуртского наречия: На материале верхнечепецкого говора // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков. Сыктывкар, 1992. С. 16–19.

Алашеева А.А. О личных местоимениях в верхнечепецком диалекте // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Ижевск, 1999. С. 63–66.

Архипов Г.А. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков, 1987. С. 84–92.

Архипов Г.А. О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1990. С. 3–13.

Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1932.

Вахрушев В.М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 228–241.

Гаврилов Б. – Гавриловъ Б. Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань, 1880.

Евангелия Гл. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 13–386].

Жуйков С.П. Удмурт АССР-ысь удмуртъёслэсь интыен-интыен вераськемзэс возматон карта (Диалектологическая карта удмуртского языка). Свердловск, 1935.

Каракулов Б.И. Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 106–115.

Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997.

Карпова Л.Л. О синтаксических явлениях в среднечепецком диалекте удмуртского языка // Вордскем кыл. 2002. № 2. С. 46–51.

Карпова Л.Л. О порядке слов в предложении в удмуртском народно-разговорном языке (на материале среднечепецкого региона) // Unnperi kotet Honti Laszlo tiszteletere. Budapest, 2003. С. 243–247.

Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005.

Карпова Л.Л. О синтаксических особенностях северноудмуртских диалектов // Вестник Читинского университета. Чита, 2008. № 6. С. 95–98.

Карпова Л.Л. Особенности гиньского говора в контексте северноудмуртских диалектов // Чуваший язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Междунар. науч. конф. «Чуваший язык и современные проблемы алтаистики», посвященный 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.). Чебоксары, 2009. Ч. I. С. 215–218.

Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981.

Кельмаков В.К. Современная удмуртская диалектология: этапы формирования, некоторые итоги и задачи // Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (Удмурт вераськетъёс I). Ижевск, 1992. С. 25–33.

Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998.

Кельмаков В.К. И.В. Тараканов и современная удмуртская диалектология // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Ижевск, 1999. С. 49–62.

Кротов 1785 – Кротов З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995 (Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785). (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Крылов В.Д. Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков. Вятка, 1919.

Лыткин В.И., Тепляшина Т.И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 218–227.

ЛЭ 1929 – Материалы лингвистической экспедиции. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Д. 336, 337, 338. Ижевск.

Могилин 1786 – *Могилинъ М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семёнов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Ижевск, 2009. Вып. I.

Первухинъ Н. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскиз III: Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзіи вотяковъ (лирическихъ и дидактическихъ). Вятка, 1888.

Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975.

Тараканов И.В. История изучения удмуртских диалектов // Историко-культурные связи пермских народов: По данным фольклора и языка. Ижевск, 1981. С. 114–133.

Тараканов И. В. Удмуртская диалектология и история языка на современном этапе // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 7–18.

Тепляшина Т. И. Тыловайский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Тепляшина Т. И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 114–140.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры севернoudмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21: Филология. С. 156–196.

ФДЭ 1936 – Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Д. 344, 345. Ижевск.

ФЛЭ 1954 – Материалы фольклорно-лингвистической экспедиции. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Д. 445. Ижевск.

Яковлев И. В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кыль-ёсэс валэктӥсь книга (Сравнительный словарь вотских наречий: 1. Вотско-русский, 2. Русско-вотский). Казань, 1924.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet. Turku-Iževsk, 1994.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki, 1952.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901a.

[*Wichmann Y.*] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU).

Wiedemann F. J. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Mélanges Russes tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Péterbourg, III. St.-Péterbourg, 1858. S. 533–555.